

Братья Годжо, Хара и Сатору, прилетели в Австралию на полуфинал Чемпионата мира U-17 спонтанно, повинаясь минутному капризу. Но стоило первому сету начаться, как один из игроков немецкой сборной внезапно вырос до размеров библейского великана. Братья переглянулись, безмолвно соглашаясь: поездка уже себя оправдала.

Конечно, это так называемое превращение в гиганта было лишь иллюзией, порождённой ментальной силой — под пристальным взглядом Шести глаз реальность проступала мгновенно, лишая трюк всякого таинства. И всё же то, как эти спортсмены укрощали собственный разум ради подобных эффектов, не могло не восхищать. Теннисные гении силой воли создавали невероятные, почти сверхъестественные приёмы, которые даже искушённые маги не всегда могли повторить.

И дело было вовсе не в скудном таланте чародеев — преградой вставала сама их природа. Одарённые спортсмены интуитивно умели направлять свой разум в чистом виде, без примеси тёмных чувств. Они не принадлежали к миру магов, проклятая энергия в их телах дремала тончайшим, едва заметным ручейком, а потому колоссальный ментальный потенциал разворачивался свободно, без искажений.

У магов всё работало иначе. Их разум тоже был невероятно силён от рождения, но эта сила неизбежно сплавлялась с любым проявлением душевной тьмы, порождая непрерывный поток проклятой энергии. Чтобы повторить фокусы мастеров ракетки, магу пришлось бы совершить почти невозможное: хирургически точно отсечь от своей силы любые крупницы негатива, вычленив сухой остаток чистого сознания.

Процедура эта требовала титанических усилий и ювелирной точности. Например, когда Хара и Сатору пробовали применить парную Синхронизацию, из-за микроскопических примесей негативных эмоций, которые так и не удалось отфильтровать, их техника вышла искажённой и заметно отличалась от безупречного оригинала. Даже Гэто Сугуру, долго и упорно перенимавший у Сэйити Юкимуры его знаменитое Лишение пяти чувств, в конце концов сумел приручить лишь малую часть приёма — блокировку вкуса. Полное Мэцугокан так и осталось для него непостижимой вершиной.

Маги и теннисисты шли параллельными путями, которые никогда не пересекались. И пусть Хара с Сатору обладали мощью, способной шутя стереть с карты целую страну, к чужим ментальным фокусам они относились с искренним почтением — ведь подобные вещи не давались им по первому велению. Выйди эти двое на корт, они без труда раздавили бы любого соперника за счёт одной лишь запредельной физики. Но в тонком искусстве управления чистым разумом они всё равно уступили бы теннисным гениям. Против законов природы бессильны даже сильнейшие. Более того, чем глубже они погружались в проклятые техники, тем прочнее тёмные эмоции сплетались с их силой, делая фильтрацию чистого сознания практически невыполнимой задачей.

Столкнувшись с вызовом в области, которая раньше казалась им элементарной, братья, привыкшие брать любую высоту с первой попытки, не на шутку увлеклись.

Наблюдая за тем, как теннисисты сборной Японии из кожи вон лезут, калеча себя и ставя

крест на будущей карьере ради одного-единственного очка, братья искренне недоумевали. Зачем так неистово цепляться за победу на безопасном корте, где никто не собирается тебя убивать? Маги ставили на кон свои жизни в схватках с проклятыми духами — это было логично, ведь малейшая ошибка действительно вела в могилу.

Но устраивать смертоубийство прямо на теннисном корте?

— Наверное, это и есть та самая юношеская романтика, — задумчиво протянул Хара. — Пылающие сердца, великая мечта... Лозунг «Умру, но выиграю» в действии.

Сатору, конечно, знал вкус поражений — ведь у него был Хара. Но даже эта досада не имела ничего общего с готовностью умереть на месте. С братом они лишь мерились силами в дружеских спаррингах, не помышляя о настоящей вражде. Проиграв, Сатору мог разве что затаить обиду и пообещать себе отыграться в следующий раз. А все остальные, включая даже шедшего следом Гэто Сугуру, слишком сильно уступали ему в могуществе, чтобы заставить выжать из себя последние капли жизни ради победы.

Поэтому, глядя на бьющихся в истерике подростков, Сатору лишь хмыкнул:

— С такой концентрацией безумия тут рано или поздно заведётся какой-нибудь проклятый дух особого ранга. Назовём его «Умру, но выиграю».

Хара согласно кивнул:

— На самом деле в лагере Ю-17 проклятый дух третьего ранга с похожей концепцией рождается с завидной регулярностью. Маги едва успевают его изгонять, как он материализуется вновь. И если упустить момент, подпитываемый безумным упорством этих детей, он действительно может эволюционировать во что-то кошмарное.

По мнению Хары, решать проблему следовало радикально — зреть в корень. Для начала стоило бы выгнать пинками весь тренерский штаб лагеря Ю-17. Изнуряющие тренировки под гнётом вечного прессинга и унижений калечили не только тела, но и души подростков, превращая их в ходячие генераторы проклятой энергии.

Но чиновники из Ассоциации тенниса, как и следовало ожидать, изнутри гнили точно так же, как верхушка гнилых мандаринов из Главного совета магов. На здоровье детей им было плевать — их волновали только сухие строчки отчётов и золотые медали. Оттого они и вколачивали в неокрепшие умы установку «Победить любой ценой!». Какими увечьями обернётся этот триумф для подростка, поставит ли он крест на своём будущем — плевать. Главное — сиюминутный кубок в витрине. А если эта партия сломается, конвейер вырастит новую.

Старейшины из мира магов рассуждали точь-в-точь так же. Рядовые шаманы для них были обычным расходным материалом: ну погибнет десяток-другой, барьеры всё равно призовут

новых. А если из-за нехватки рук проклятия полезут из всех щелей — что с того? До роскошных поместий старейшин они не доберутся. Напротив, разгул нечисти — отличный повод прижать к ногтю правительство и выбить побольше бюджетных вливаний.

Хара видел все эти уродливые шестерёнки насквозь. Но ломать систему он не собирался. Зачем? Как будущий преемник главы клана Годжо, стоящего во главе трех великих семейств, и тайный покровитель большинства членов Главного совета магов, он находился на самой вершине этой пищевой цепочки. Судьба обывателей его не волновала, святым он не был и уж точно не собирался рубить сук, на котором так удобно сидел.

Если Гэто Сугуру вздумает затеять революцию, Хара сделает всё, чтобы потихоньку сместить фокус его великих идей. Главное — уберечь того от глупостей и возможного предательства, которое разобьёт сердце Сатору. Помогать же ему делом? На словах одобрить можно, но палец о палец ради этого Хара не ударит.

Исключением мог стать разве что Сатору. Захоти младший брат перевернуть этот мир вверх дном — Хара без раздумий бросился бы на помощь. Но ради кого-то другого тратить силы? Смешно. Он и так без пяти минут хозяин всего Главного совета магов. Затеять реформы сейчас — это всё равно что собственноручно устроить государственный переворот против самого себя. Нелепость чистой воды.

К счастью, Сатору пока оставался беззаботным подростком, чьи мысли занимали лишь сладости, развлечения да тренировки. Единственной тенью на его безоблачном небе были странные душевные метания лучшего друга, Гэто Сугуру. В остальном жизнь его была легка и приятна.

Сатору даже не задумывался о судьбах мира магов. Верхушка Главного совета, конечно, состояла из отборной гнили, но под бдительным присмотром Хары эти мандарины сидели так тихо, что Сатору их просто не замечал. А раз под ногами никто не путался, то и крушить систему причин не находилось.

А раз Сатору не рвался на баррикады, то и Харе там делать было нечего. Гэто Сугуру оставался один на один со своими великими идеями. Впрочем, сейчас он находился на той стадии юношеского максимализма, когда пафоса много, а реального плана — ноль, из-за чего ему приходилось сутками напролёт штудировать книги в поисках ответов. Бедный мальчик ещё не понимал: если хочешь устроить революцию, первым делом нужно переманить на свою сторону сильнейшего друга.

Хара усмехнулся своим мыслям, улетевшим слишком далеко от спорта, и перевёл взгляд обратно на корт.

А там как раз разворачивалась кульминация поединка между капитаном японской сборной Бёдоином Хоо и лидером немецкой команды Юргеном Фольком. Счёт по сетам застыл на отметке 1:1. Финальный отрезок должен был решить судьбу путёвки в финал.

Бёдоин Хоо, до предела истощивший свои ресурсы, едва держался на ногах. Он был весь покрыт ссадинами и кровью, оставляя на корте багровые отпечатки подошв. Его соперник, немец Фольк, на этом фоне выглядел свежим и собранным.

Обычному зрителю исход казался предрешённым — победа Фолька была делом минут. Но братья Годжо видели то, что скрывалось за физической формой. У Бёдоина Хоо имелось оружие, недоступное рациональному немцу, — абсолютная, безумная вера. Этот человек действительно был готов умереть прямо на корте, лишь бы вырвать победу.

Бёдоин совершенно не думал о будущем. Его не волновало, сможет ли он после этого матча вообще ходить, не говоря уже о спортивной карьере. Все его мысли, чувства и воля сжались в одну острую точку: победить любой ценой.

Профессионал Фольк был куда практичнее. Чемпионат мира U-17, при всей его важности для национального престижа, оставался турниром для юниоров — лёгкой разминкой перед настоящими битвами взрослого тура. Стоило ли профессионалу калечить себя ради этого кубка? Травма сейчас могла сорвать его выступление на январском Открытом чемпионате Австралии, событии куда более масштабном и значимом. Этот турнир входил в престижную серию Большого шлема — предел мечтаний любого амбициозного игрока. Для Фолька именно он стоял в приоритете, тогда как молодёжный кубок виделся лишь приятным дополнением. Поначалу немец даже не планировал раскрывать здесь свои козыри, резонно опасаясь, что будущие соперники по взрослому туру успеют изучить его слабые места.

Но неистовая, готовая сжечь себя дотла решимость Бёдоина Хоо пробила броню немецкого прагматизма. Фольк ощутил, что проявить жалость или прагматизм сейчас — значит нанести смертельное оскорбление такому сопернику. Отбросив расчёты, он явил миру свою тайную коронную технику, намереваясь завершить этот безумный поединок.

Однако Фольк недооценил Бёдоина Хоо, чья воля к жизни напоминала живучесть феникса, способного восстать из пепла. На чистом упрямстве японец сотворил невозможное. Он вырвал победу в решающем одиночном разряде с мизерным перевесом, втащив сборную Японии в финал. Но за этот триумф пришлось заплатить страшную цену: едва раздался финальный свисток, Бёдоин рухнул на корт без сознания. На носилках скорой помощи его увезли в реанимацию. О выходе на корт в финале не могло быть и речи.

Полуфинал вышел на редкость кровопролитным. Великая и ужасная сборная Германии, удерживавшая чемпионский титул девять раз подряд, бесславно пала от рук японских выскочек.

На трибунах ещё долго шумели восторженные зрители, обсуждая безумный подвиг Бёдоина. Толпу интересовало лишь красивое зрелище. А то, что подаривший им это шоу мальчишка может остаться инвалидом на всю жизнь, никого не волновало.

Под этот восторженный гул Хара мягко увлёк Сатору за собой к выходу из фан-зоны.

— Ну что, на финал пойдём? — поинтересовался он.

Сатору закинул руки за голову и лениво зевнул:

— Не-а. Суть их ментального тенниса мы и так раскусили, смотреть одно и то же по второму кругу скучно. Одного матча вполне хватило.

В решающем поединке за кубок сошлись сборные Японии и Испании.

Сатору рассудил здраво: после того как они увидели крах девятикратных фаворитов, финал обещал быть пресным зрелищем. Как именно обескровленная японская сборная будет выкручиваться без своего капитана, его не заботило. Силы не равны, проиграют — закономерно. Какое ему дело до чужих побед и поражений?

Коль скоро Сатору заскучал, Хара тут же велел сдать билеты на финал. Братья отправились колесить по остальным уголкам Австралии.

Сатору быстро сошёлся с местной фауной — в частности, с кенгуру. Активировав Безграничность, он устроил с одним из серых прыгунов шуточный боксёрский спарринг. В этом был весь Сатору: даже в драке с диким зверем он умудрился одержать сокрушительную победу, ни на секунду не усомнившись в собственном величии. Хара, наблюдавший за этой клоунадой со стороны, с каменным лицом мысленно пел дифирамбы гениальности своего младшего брата.

Изъездив Австралию вдоль и поперёк, они взяли курс на Европу, затем заглянули на Южный полюс, оттуда махнули на Северный... Словом, устроили себе полноценное кругосветное турне. Четыре месяца каникул — королевский срок, и потратить его стоило с размахом.

В каждом новом городе Сатору тащил Хару делать бесконечные кадры: то у живописного обрыва, то над тарелкой с экзотическим деликатесом. Все эти трофеи Сатору щедро рассылал по списку контактов, особое внимание уделяя друзьям из Токийского магического колледжа. Сам он без зазрения совести комментировал это так:

— Как подумаю, что пока мы тут нежیمся на солнышке, эти бедолаги в мыле пашут на заданиях, так сразу на душе так тепло становится! Ха-ха-ха-ха!

Градус его веселья взлетал до небес, когда в ответ прилетали полные бессильной ярости сообщения от некоего Гэто С., вынужденного в одиночку вкалывать за троих магов особого ранга.

Хара в поведении младшего брата не видел ничего предосудительного. Сатору всего лишь хотел поделиться с друзьями радостными моментами, так почему те брызжут ядом? Котёнок тянется к ним всей душой, а они не ценят. Кот хороший, люди злые! Сквозь призму своей

слепой братской любви Хара лишь снисходительно улыбался и охотно позировал для очередного кадра, помогая Сатору отправлять дразнящие весточки на родину, доводя Гэто Сугуру и остальных до белого каления.

Впрочем, заботясь о том, чтобы по возвращении их не линчевали прямо в аэропорту, Хара предусмотрительно покупал горы сувениров. Причём делал это с размахом: часть подарков отправлялась почтой прямо с курортов, а вторую половину они везли с собой, чтобы вручить лично при встрече. Как бы сильно Хара ни идеализировал брата, он прекрасно понимал, что шуточки Сатору близки к опасной черте. Поэтому он заблаговременно подготовил громоотвод для тушения неизбежного пожара.

Увы, одних сувениров оказалось мало, чтобы растопить ледяную ярость тех, кто безвылазно торчал на заданиях. Особенно свирепствовал Гэто Сугуру, у которого от хронического недосыпа под глазами залегли глубокие тени:

— Чёртовы Годжо! Мало того, что скинули на меня все свои задания и умотали за границу, так ещё и шлют этот бесконечный спам, издеваясь над моим горем!

Иэири Сёко злилась не меньше. Запертая в стенах Токийского колледжа в роли бессменного реаниматолога, она крутилась как белка в колесе. Да, копание в трупах и вскрытие тел немного помогали выпустить пар, но бесконечный поток раненых и выматывающие ночные дежурства лишали последних сил. И вот представьте: глухая токийская ночь, Сёко борется со сном в операционной, а в этот момент на телефон прилетает снимок из другого полушария — залитая солнцем терраса, на которой два довольных Годжо неторопливо пьют чай с пирожными. Сёко в такие моменты была готова рвать и метать.

— Вот только вернутся эти бездельники, я им устрою весёлую жизнь, — зловеще пообещала Сёко.

— Хе-хе, я первый в очереди на раздачу, — поддержал её Гэто.

Коллеги быстро нашли общий язык. Пусть в открытом бою тягаться с братьями Годжо было чистым самоубийством, но статус одноклассников давал им массу преимуществ. Сёко и Сугуру знали сотни мелких, бытовых способов отравить жизнь этим хвастунам.

Самым же ценным итогом этой кругосветки стало то, что Хара и Сатору довели до автоматизма технику телепортации на колоссальные расстояния. Поначалу они честно бронировали билеты на авиарейсы, но вскоре вся эта бумажная волокита и очереди в аэропортах им смертельно надоели. Братья просто начали перемещаться сами. По мере того как росла география их вояжа, увеличивалась и дистанция прыжков, а контроль над пространством становился всё более безупречным.

И пускай математические расчёты для таких скачков перегружали сознание и буквально плавили серое вещество, братьев это не заботило. Оба владели Обратной проклятой техникой. Если мозг начинал закипать, они просто мгновенно исцеляли повреждённые клетки,

возвращая себе кристальную ясность ума.

Поэтому, когда время отдыха истекло, а телефоны братьев раскалились от яростных звонков Яги Масамити и Гэто Сугуру, требовавших немедленно явиться в колледж, те не стали утруждать себя покупкой билетов. Они просто совершили один колоссальный прыжок через полмира.

Син Годзё, занимавшийся оформлением их документов и виз, при этой новости едва не разрыдался в трубку:

— Господин Хара, молодой господин Сатору! То, как вы вернулись в Японию... это же чистой воды контрабанда людей! Вы буквально проникли в страну нелегально!

Хара промолчал.

Сатору тоже не нашёл что сказать.

Они как-то совсем упустили из виду, что улетали из Японии по всем правилам, а вернулись в обход таможенного контроля. Ситуация пахла бюрократическим кошмаром.

Хара ободряюще похлопал Сина по плечу, изобразив на лице глубокое доверие:

— Я верю, что для специалиста твоего уровня это сущие пустяки. Оставляю это дело на тебя.

Уныние на лице Сина испарилось без следа, сменившись бешеным энтузиазмом:

— Будет исполнено, господин Хара! Ваш покорный слуга расшибётся в лепёшку, но уладит это недоразумение!

Сатору, ошеломлённый столь разительной переменой в поведении слуги, всю дорогу до колледжа недоумённо крутил головой. Наконец он не выдержал:

— Брат, а как ты это провернул? Почему Син секунду назад ныл, а после твоих слов засиял как медный таз и побежал работать?

Ведь они действительно подкинули парню кучу проблем на ровном месте. Однако стоило Харе обронить короткую фразу, как затаённая обида Сина превратилась в искреннюю преданность. Поистине удивительное колдовство.

Хара с улыбкой посмотрел на младшего брата, который впервые в жизни проявил интерес к тонкому искусству управления людьми. Рассудив, что урок пойдёт на пользу, он принялся

терпеливо раскладывать всё по полочкам:

— Син — мой верный слуга, но это не даёт мне права бесконечно испытывать его терпение пустыми капризами. Если постоянно заваливать человека грязной работой и исправлением наших глупых ошибок, его запал быстро иссякнет. Но если дать ему почувствовать, что я выделяю его из толпы, ценю его острый ум и полагаюсь на него в критический момент... Всё меняется. Стремясь оправдать доверие и заслужить похвалу, он расшибётся в лепёшку. Любая рутина покажется ему не каторгой, а возможностью доказать свою незаменимость. Вначале Син приуныл, потому что видел в нашей нелегальной телепортации лишь лишнюю головную боль. Кому понравится разгребать чужие косяки на ровном месте? Но после моих слов эта обуза превратилась для него в личный вызов — в шанс продемонстрировать свою полезность лично мне. Естественно, он тут же забыл про усталость.

Сатору выслушал, но лишь пренебрежительно скривился:

— Сколько лишних телодвижений... Сам я поступил бы проще: сгрузил бы проблему на первого попавшегося клерка и забыл. Куда они денутся, всё равно всё сделают. А сколько яда они при этом выльют за его спиной — какая разница?

Хара прекрасно понял, о чём думает брат. Он поначалу хотел было объяснить, что такой потребительский подход быстро превратит верных людей в тихих саботажников, но, скользнув взглядом по капризному лицу Сатору, передумал. Стоит ли читать нотации любимому брату ради комфорта каких-то слуг? Абсурд. Если у кого-то из подчинённых достанет наглости обидеться на Сатору или проявить небрежность, Хара лично напомнит им, как выглядит гнев клана Годжо.

Разве Сатору может ошибаться? Да для этих бездельников величайшая честь — подчищать огрехи за молодым господином! И у них ещё хватает совести жаловаться? Неблагодарные ничтожества.

В своём слепом обожании Хара был абсолютно искренен и не видел в таком двойном стандарте ничего дурного.

Тем не менее, Хара предпочёл подстраховаться. Он вызвал к себе вспомогательного управляющего Ямаситу Рина, приставленного к Сатору. Беседа вышла показательной: Хара искусно применил метод кнута и пряника. Сначала он вежливо, но доходчиво объяснил управляющему его место, а затем щедро осыпал благами — поднял жалованье, выделил просторную квартиру в элитном районе и устроил его ребёнка в закрытую частную школу для детей высокопоставленных особ.

Ямасита Рин, который до этой встречи буквально выл от выходок своего невыносимого подопечного, мгновенно воспрял духом. Да, ходить по пятам за Сатору — испытание не для слабонервных, и душевных травм за это время он накопил немало. Но за такие королевские условия он был готов терпеть любые капризы взбалмошного мага. В итоге преданность Ямаситы лишь укрепилась.

Братья Годжо явились в Токийский колледж, согнувшись под тяжестью коробок и пакетов. Хара позаботился о том, чтобы никто не ушёл обиженным: сувениры получили все, от одноклассников Иэири Сёко и Гэто Сугуру до младшеклассников Нанами Кэнто и Хайбары Ю. Даже робкому первокурснику Идзити Киётаке достался памятный подарок. Причём каждый презент был выбран со вкусом и нёс на себе отпечаток далёких стран.

Увидев такое изобилие, Сёко и Сугуру, все эти дни вынашивавшие планы жестокой мести, растеряли весь свой боевой пыл и даже немного смутились. Впрочем, сомневаться в авторстве этой идеи не приходилось. Сатору со своим эгоизмом в жизни бы не додумался проявить подобную чуткость. Очевидно, что за безупречным выбором подарков стоял Хара.

Глядя на вежливо улыбающегося Хару, Сёко и Сугуру мысленно вздохнули. Сатору мог сколько угодно исходить ядом и отпускать свои дурацкие шуточки, но пока за его спиной стоял старший брат, сделать с ним ничего было нельзя. Приходилось лишь бессильно разводить руками.

Что может быть хуже одноклассника-братомана, наделённого абсолютной и пугающей силой? Только то, что сам объект его обожания — вредный, заносчивый кошара — силён настолько, что начистить ему морду в честном бою физически невозможно.

Впрочем, слепое заступничество Хары имело свои границы. Он яростно пресекал любые словесные нападки на брата, но если ребята решали выяснить отношения на кулаках, никогда не вмешивался. Зачем? Он прекрасно знал: Сатору слишком силён, чтобы позволить кому-то взять над собой верх. Пострадавшим в любом случае окажется нападающий. Мысль о том, что Сатору может проиграть какому-то выскочке, казалась Харе абсурдной. А потому он с лёгкой улыбкой взирал на тех, кто пытался бросить вызов его младшему брату.

Сатору, конечно, не догадывался о двойных стандартах брата. Впрочем, его это мало заботило. Переполненный энергией после долгой поездки, он прямо с порога потащил Гэто Сугуру на тренировочный полигон, чтобы размяться.

За те четыре месяца, что Сугуру в одиночку отдувался за троих магов особого ранга, он едва не протянул ноги от усталости, но и опыта приобрёл колоссально. Почти каждое его задание квалифицировалось как первое или особое, требуя полной самоотдачи.

Прежде Хара и Сатору иногда притаскивали ему с заданий «гостинцы» в виде полуживых проклятий, но случалось это редко. Братья обладали слишком сокрушительной силой и, не рассчитав удар, частенько стирали тварей в порошок вместо того, чтобы аккуратно их пленить.

Теперь же, когда Сугуру работал в одиночку, дело пошло веселее. Почти каждый проклятый дух, встреченный им на миссиях, в конечном итоге пополнял его личную армию. Научившись временно отключать вкусовые рецепторы и избавившись от необходимости терпеть омерзительный вкус проклятых сфер, Сугуру стал поглощать их с небывалым азартом. Он больше не привередничал и не брезговал низкими рангами — подминал под себя каждого духа, который казался хоть немного полезным.

За эти четыре месяца Сугуру развил в себе такую мощь, о которой в прежней жизни, до рокового раскола, не мог и мечтать. Все те проклятия, которых он когда-то лишился из-за вмешательства Хары, вернулись к нему сторицей.

<http://bllate.org/book/19549/2004344>